

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ С ЛОПАТОЙ

Тульский кремль сегодня и завтра

А на воротах Тульского кремля красуется мраморная доска. С красивыми строгими буквами. Стоит только прочесть, и сразу же станет ясно, что это не какой-то там развалившийся Колизей, а глубокочтимый памятник зодчества шестнадцатого века. Во-первых, как явствует из тех же строгих буквосочетаний, он находится под защитой государства и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). А во-вторых, реставрируется. Правда, давненько уже. Одиннадцатый год.

Уж не хочу ли я сказать, что его реставрация зашла в тупик? Ни в коем случае. Это я оказался в тупике. Поверил мраморной доске по простоте душевной. «Памятник культуры». «Охраняется», «Реставрируется». От таких категоричных слов забыл и предостережение Козьмы Прутков: «...не верь глазам своим». Предостерегать, оно, конечно, легче. А тысячи людей, десятки автомобилей уверенно ныряют в глубину ворот. Скажите, где еще памятники старины пользуются подобной популярностью?

Вот я и поверил глазам своим. Решил причаститься к истории. Побродить по башням кремля. Ведь каждая из них — уникальное, неповторимое в архитектурном решении строение. Свидетелями стольких драматических событий стали эти стены. Именно здесь, в замысловатых лабиринтах башенных лестниц и переходов, у этих бойниц был последний рубеж крестьянского восстания во главе с Болотниковым. Здесь не раз расшибали себе лбы посягавшие на землю русскую татарские полчища. Нет, что ни говорите, а молодцы люди, занявшиеся реставрацией кремля.

Так думал я, идя вдоль стены, от башни к башне, в поисках входа. Его нигде не было. Зато в реставрированной башне Никитских проезжих ворот зиял огромный пролом. Сквозь него были видны разбитые ступени, уводящие куда-то в глухую темноту. Честное слово, я ступил туда, как входят в тайну, вернее, в открытие ее. Тихо и свято. В кромешной тьме под ногами что-то звенело и скрежетало. «Наверное, искусные реставраторы воссоздали обстановку былых сражений», — подумал я и чиркнул спичкой. Лучше бы мне оставаться в темноте своих приятных заблуждений! Консервные банки, битые бутылки, нечистоты, которым удивились бы выдавшие виды золотари. Все это обильно устилало ступени. Ступени в героическое прошлое моего народа.

А вот и Ивановская башня. В ней когда-то был подземный ход к Упе, «осадного ради сидения». Как знать, может быть, и воспользовался бы им Иван Болотников, ушел бы от неминуемой гибели, не будь предательски схвачен агентами Шуйского. А Ивановская башня была затоплена, как и весь кремль. Витая кирпичная лестница, чем дальше, тем уже, уводила меня внутрь. Вдруг в нос ударил затхлый запах застоявшейся воды, и в тот же миг я почувствовал пустоту под ногами. Резко отпрянул назад. И вовремя. Я стоял над обрывом, а где-то внизу блестела вода заполнившая примерно треть десятиметровой башни. Может быть, это — та самая вода, что заставила голодных, промокших крестьян 10 октября 1607 года открыть ворота и сдаться царским войскам?

Потерпев поражение, подавленно уходил и я от кремля. Но мысли роились и стучались, требуя ясности. Как же так? Ведь не бутафорский же наш кремль, чтобы быть благолепным и ухоженным только с лицевой стороны. Ведь он охраняется и реставрируется. Со всеми своими сомнениями я и обратился к людям, призванным охранять и реставрировать. Прежде всего к начальнику производственной группы по охране и эксплуатации памятников истории и культуры облисполкома Г. М. Чоговадзе. Галина Михайловна сочувственно развела руками.

— Все знаю, все понимаю, но наша группа была создана только в 1966 году, после начала реставрационных работ в кремле, и потому заказчиком и хозяином кремля являемся не мы, а отдел культуры горисполкома. Поговорите лучше с ними. И с ответственным секретарем Тульского отделения ВООПИК П. И. Сычом.

Петр Иванович встретил меня радушно. Оказывается, он давно страдает от плачевного состояния кремля. Страдает тихо, в одиночку. Это только мне он поведал свою боль. А в повседневной сутолоке заседаний, семинаров, составления планов и отчетов руководство Тульского отделения давно махнуло на кремль рукой и с 1972 года не отпустило ни копейки на его реставрацию. И в ближайшие два-три года не намерено ассигновать работы по кремлю. Достаточно того, что общество любезно разрешило вытесать свое имя на мраморной доске. А насчет того, чтобы охранять кремль от всевозможных надругательств, то общество охраны памятников не располагает ни армией, ни

авиацией, ни флотом. Ведь на территории кремля нашли себе приют три солидные организации с производственными корпусами, проходными, с большими коммуникациями электросетей и даже... со стадионом.

Вот откуда взялись тысячи людей, десятки автомобилей! А я-то думал... Значит, единственный способ пресечь бесчинства и методическое разрушение, идущее параллельно с реставрацией, — вывод из кремля всех предприятий. По этому поводу кабинетная баталия длится уже много лет. Дело совсем не простое. Постепенно предприятия сдают свои позиции. Но только не в части стадиона. Здесь хозяева готовы костями лечь. Хотя, если судить по состоянию стадиона, то он скорее похож на пустырь, чем на спортивную арену.

Не пролило бальзам на мои раны и свидание с Л. Д. Коверзенковой, заведующей отделом культуры горисполкома. Оказывается, затхлое болото Ивановской башни в которое я чуть было не угодил, есть не что иное, как память о недавних осенних дождях. А своим удивлением, что за одиннадцать лет не удосужились покрыть башни шатрами, я выявил полнейшую неосведомленность в хитросплетениях реставрационного узелка. Да, узелочек, доложу вам. Где уж мне, наивному, осмыслить, что на покрытие пяти башен нужно полтораста кубометров леса. И Лариса Дмитриевна стала рассказывать, с каким трудом удается получать этот лес.

— Больше, чем на один шатер в год, рассчитывать не приходится, — сокрушается она.

— Еще хорошо, что нам удалось в 1974 году очистить территорию кремля от десятилетнего мусора.

Позвольте усомниться в неразрешимости поднимаемых вопросов. Конечно, материалы должно получать по фондам. Конечно, облплан — не самая инициативная организация в деле реставрации кремля. Но кремль — гордость туляков. И, наверное, многие предприятия города поступились бы кубометром-другим леса, и шатры могли уже давно венчать сиротливые скальпы кремлевских башен.

Видимо, дело не только в отсутствии леса или олифы. Как ни парадоксально, но до сих пор нет проектной документации на некоторые башни, на двери, на торговые ряды. А между тем сметная сумма, отпущенная на реставрацию кремля, почти освоена.

Вообще, если бы речь шла о кремле, и только. Но в кремлевский ансамбль входят Успенский и Зимний Богоявленский соборы. И золотые купола Успенского собора тускнели и бледнели от стыда, когда раму огромного окна в целях реставрации вынули и не удосужились заложить окно хотя бы досками. Ничего не поделаешь, дефицит. Полгода удивленные лики святых обдувал ветер, омывали дожди. А по соборному полу хозяйски прохаживались самые ярые враги настенной живописи — голуби. Вот вам и охраняется! Вот вам и реставрируется! Кстати, наружная реставрация Успенского собора почти завершена, а о внутренней пока не может идти и речи. Что это? Очередная бутафория? Не совсем. Скорее — результаты непланомерности. Нет теплотрассы для отопления собора, без чего невозможна реставрация фресок. Да и сметы нет. И договора с художниками - реставраторами. И создается впечатление, что в целом не была продумана перспектива Тульского кремля, потому и затягивается реставрация.

Но меньше всего хотелось бы упрекнуть в этом только отдел культуры. Наверное неспроста, не забавы ради создавалась производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры. Ведь именно ей, как говорится, сам бог велел осуществлять квалифицированный технический надзор за проведением реставрационных работ, заключать договоры. Рациональность передачи кремля на батане группы — очевидна. А если еще за ходом работ установится постоянный контроль со стороны городского комитета КПСС, то гордиев узел проблем окажется не таким уж и гордиевым.

Честное слово, не знаешь, смеяться или плакать, когда, думая об одиннадцатилетней реставрации кремля, вспомнишь, что строился-то он всего шесть лет. Правда, техника тогда была не на уровне современной. Но недостаточную мощь ее компенсировали привлечением к строительству жителей Тулы и ее окрестностей. А нынче дело обстоит совсем иначе. Работы ведет участок треста «Росреставрация». Современный участок, механизированный. Мощностью в тридцать—сорок... человеческих сил. Во главе с А. Н. Новиковым. Это ли не залог успеха? Так что о привлечении общественности к реставрационным, хотя бы вспомогательным, работам не может быть и речи.

А почему бы и нет? — удивленно вопрошают многие туляки.

И я со свойственным мне оптимизмом провел маленькое социологическое исследование. Опросил две тысячи жителей города. Людей самых различных профессий и возрастов. Всего тринадцать человек оказались равнодушными к кремлю. Число-то какое? Тринадцать. Остальные все принима-

лись горячо обсуждать возможности своего участия в этом благородном деле. Предлагали выйти на субботники, предлагали систему финансового отчисления в фонд реставраций... А одна женщина, в порядке наглядного примера, рассказала мне о человеке с лопатой.

Где-то в Прибалтике стояла башня, построенная в четырнадцатом веке. Но в суе наших дней выпала она из поля зрения. Обветшала, мхом поросла. И вот однажды пришел туда человек с лопатой. И стал очищать башню от мусора. День, другой, третий. Сначала посмеивались над ним, называя его работу сизифовой, а башню уподобляя авгиевым конюшням, но постепенно стали помогать чудаку с лопатой.

Накрепко врезался мне в память «человек с лопатой». Буквально сплю и вижу, как тысячи «человеков с лопатами» придут на территорию кремля и, разумеется, под архитектурным надзором, внесут свою долю труда в его реставрацию.

...Подойдя вплотную к Тульскому кремлю, ощутив его боли и беды, я встретился со многими людьми, которые так или иначе причастны к нему. Историки, инженеры, архитекторы, рабочие... Всех интересует один генеральный вопрос: чем же станет кремль? Было немало проектов и прожектов. В поисках оптимального пока ни один не принят к руководству. Но жизнь диктует свои письма. Скоро начнется реконструкция центральной площади Тулы, куда войдет и кремлевская стена. Но не просто стена. Не просто памятник, с холодной мраморной доской, а замкнутый живой музейный комплекс. Хотели бы мы этого или нет, но сохранившиеся в Заречье и в Чулкове уникальные памятники деревянного зодчества могут в любую минуту быть снесены в ходе реконструкции улиц. А в кремле, на фоне восстановленных торговых рядов, на фоне музеев древней живописи и оружия, на месте пустыря (простите, стадиона) органически впишется старотульская слобода, с воспроизведением исконно тульских ремесел. Кстати, историки-краеведы нашли немало интересных экспонатов и даже целую самоварную мастерскую. Мне верится, что экспозиция кремля сможет радовать не одно поколение.

А. ЧЕРНОВ.